

Сергей Донской

ЗАКОН ДЛЯ БРАТВЫ

ВОРОВСКАЯ СВОБОДА

Сергей Георгиевич Донской

Воровская свобода

Серия «Закон для братвы»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9574248
Сергей Донской Воровская свобода: авторское;*

Аннотация

Зачем зэку воля? Что найдет он там, подавшись в бега на пару с опасным рецидивистом по кличке Гренадер? Удастся ли ему отыскать женщину, которая его предала? Его будущее покрыто мраком, а путь полон испытаний и опасностей, но он не сломается, ни за что не сломается сам... если только его не сломает судьба-индейка.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сергей Донской

Воровская свобода

Глава 1

По хмурому небу неслись серые клочья туч, истрепанные ветром, похожие на дым. Глядя на них, Роман Волин им завидовал. Они были свободны, как ветер гонящий их из неоткуда в никуда. Никто не преграждал им путь колючей проволокой, не целился в них из пулеметов на сторожевых вышках, не спускал следом за ними остервенелых от злобы овчарок, натасканных убивать беглецов.

Мечтающий о воле Роман был очень далек от нее, потому что являлся зеком. Словечко произошло от аббревиатуры з/к, которая означала «заклученный» и произносилось когда-то как зэка. А официально Роман именовался осужденным – с дурацким ударением на втором слоге. Осужденным, отбывающим наказание в лагере строгого режима.

Со дня суда и получения приговора прошло почти два года. Но для Романа, как и для всех зеков, время отсидки тянулось бесконечно долго. Что такое два года в зоне? Это целая жизнь. Тяжелая, мрачная, полная опасностей, возникающих, казалось бы, прямо на ровном месте. Каждый день приходится доказывать не только свое право на пристойное ме-

сто в бараке, но еще и работать на лесоповале до полного изнеможения, до темноты в глазах. Для этого и нервы, и мышцы должны стать не просто крепкими, а железными. Иначе придется спать возле параша и отираться на помойках. Но Роману удалось не опуститься на самое дно. В касте лагерников он занимал не первое и не последнее место, но был так называемым мужиком: работал, как все, жил, как все и ел, как все, а большего и не хотел.

Вспоминая, как и почему он попал на зону, Роман проклинал себя за опрометчивость. И если бы сейчас он мог повернуть время вспять, то не совершил бы то, что совершил. Ведь ему казалось, что он выполняет свой долг, но вместо благодарности его бросили на произвол судьбы, словно какую-то ненужную вещь. Попользовались и забыли.

Два года назад Роман был не просто свободным, но и достаточно состоятельным человеком, крепко стоящим на ногах. Он занимал должность начальника охраны молодой, энергичной предпринимательницы Тамары Болотовой. Она предпочитала величать себя бизнесвумен, то есть, деловой женщиной, хотя, по правде говоря, деловые качества ее оставлять желать лучшего. Если бы не помощь сестры Варвары, Тамара вряд ли преуспела бы на коммерческом поприще. Но она никогда и никому не признавалась в этом. Зато часто и охотно жаловалась на законного супруга.

Состоять с ней в браке имел счастье или несчастье некий влиятельный работник администрации. Звали его Изма-

илом, что указывало на наличие горячей южной крови, текущей в его жилах. Был этот чиновник Измаил Болотов чрезвычайно ревнив, а в ревности скор на расправу, давая волю своим сильным, волосатым рукам. В какой-то мере Роман его понимал. Тамара была женщиной эффектной, общительной, обладающей сильным характером и несколько вульгарными манерами. Одевалась она броско, красилась ярко и смеялась громче, чем следовало. Красивые мужчины нравились ей не меньше, чем хорошие туфли. И первого, и второго было у нее предостаточно, но остановить себя она была не в силах.

Тамара клялась Роману, что Измаил просто свихнулся от ревности, мол, все обвинения в изменах – это лишь нездоровые фантазии ревнивца. Хотя между ней и Романом установились не только рабочие отношения. Несколько раз они были близки настолько, насколько позволяет близость между мужчиной и женщиной, и всякий раз это происходило по инициативе Тамары. Эти особые, хотя ни к чему не обязывающие отношения, начались между ними, когда Роман обнаружил свою начальницу с синяком на лице. Целых две недели она не могла ходить без темных очков и появляться в общественных местах. По случайности, в эти дни Измаил Болотов был сильно занят и постоянно задерживался на работе. Бывало, что оставался там ночевать. Роман же был все время рядом с Тамарой, выслушивал ее жалобы, исполнял прихоти. Сначала привозил мороженое, потом составлял компа-

нию при просмотре фильмов, а потом и постель разделил. Все получилось само собой. Но кто знал, какую высокую цену придется заплатить Роману за минуты удовольствия!

Бедка пришла, как всегда, неожиданно.

Теплым погожим вечером, не сулившим никаких неприятностей, Роман поневоле стал свидетелем безобразной сцены, которую Измаил Болотов закатил Тамаре. Это произошло прямо на улице. Болотов подъехал к офису и поджидал жену там. Увидев его, она взмахом отослала Романа в сторону. Там он и стоял, наблюдая за происходящим боковым зрением. До него доносились только отдельные фразы, которых было достаточно, чтобы составить общую картину конфликта:

- Шлюха! – шипел Болотов, наступая на жену.
- Господи, как мне это надоело! – восклицала она.
- Что надоело? Спать с другими мужиками?

Болотов разразился саркастическим смехом. Тамара поморщилась:

- Измаил, ты просто ненормальный!
- Я ненормальный?
- Ну не я же! Тебе всюду мерещатся измены.
- Вот я тебе сейчас покажу фотографии, и мы посмотрим, кому из нас что мерещится, и кто из нас двоих ненормальный!
- Какие фотографии? – заволновалась Тамара.
- А ты не догадываешься?

– О чем я должна догадываться?

– Хватит строить из себя святую невинность. – Болотов стремительно нырнул в машину. – На смотри! – Он швырнул Тамаре в лицо какой-то конверт.

Роман увидел, как конверта посыпались на асфальт фотографии, при взгляде на которые Тамара попятилась, а потом повернулась, чтобы уйти. Болотов ей этого не позволил. Он прижал ее спиной к капоту своего внедорожника и прошипел ей что-то в лицо. Тамара начала торопливо оправдываться, хватая мужа за лацканы пиджака, но он с силой толкнул ее на землю. Она поднялась, но Болотов, выругавшись, снова толкнул ее. Роман, сжимая кулаки, мог лишь наблюдать за происходящим. Он не имел права вмешиваться в семейный конфликт, пока не получит приказ от хозяйки. И, после очередной увесистой пощечины, от которой у Тамары потекла кровь из носа, приказ прозвучал:

– Роман! – взвизгнула Тамара. – Какого черта ты там стоишь? Ты ждешь, пока этот зверь убьет меня?

Роман в три прыжка очутился рядом с хозяйкой и крепкой рукой предотвратил следующий удар Болотова.

– Пошел вон, собака! – прорычал разъяренный Болотов, отталкивая Романа.

– Вам придется прекратить это, – металлическим голосом ответил Роман, глядя прямо в глаза разбушевавшемуся супругу.

– Не путайся под ногами. – Болотов достал пистолет и на-

правил на Романа. – Прочь с дороги!

Тамара вскрикнула при виде пистолета и попятилась назад. Из ее разбитого носа текла кровь, розовая помада размазалась по лицу, на блузке почти не осталось пуговиц, волосы были растрепаны. Если бы сейчас ее увидел кто-то из партнеров по бизнесу или подчиненных, то не узнали бы в ней ту самую холеную и расфуфыренную бизнесвумен Тамару Болотову.

Роман бросил короткий взгляд на пистолетный ствол, и посмотрел в глаза ревнивцу.

– Оставьте ее, – сказал он.

– Ты кто такой, чтобы указывать мне?

– Я начальник охраны вашей жены!

– Мне плевать, кто ты такой! – выкрикнул Болотов. – Убейся!

Точным, выверенным движением Роман выхватил пистолет из его руки и отступил назад.

– Отдай. – Болотов шагнул вперед.

– Стоять! – негромко, но твердо произнес Роман.

Он думал, что инцидент будет на этом исчерпан, но ошибся. Вид направленного на него пистолета не остановил Тамариного мужа. Он был разъярен, глаза налились кровью. Как бык, с разорванными цепью ноздрями, он уже не чувствовал ни страха, ни боли. Роман отступил еще на шаг, по-прежнему надеясь, что вид оружия утихомирит ревнивца. Но Болотов неожиданно обрушился на Романа всем своим весом,

стараясь отобрать пистолет.

– Отдай! – рычал он. – Я все равно убью эту суку!

Затаив дыхание, Тамара наблюдала за схваткой. Ее чувства и мысли смешались в хаотическом беспорядке. С одной стороны, ей хотелось освободиться, избавиться от постоянного контроля мужа и вести такой образ жизни, какой она считала правильным, а правильным она считала спать с интересными мужчинами, тратить деньги без счета и без конца менять наряды. С другой стороны, без мужа она не могла себе позволить всего того, что позволяла себе сейчас, поскольку без его поддержки ее бизнес был невозможен, а сама она была никто. И сейчас ей было по-настоящему страшно. Она понимала, что перешла грань дозволенного, поэтому развод неминуем. А в этом случае она останется у разбитого корыта.

Вот, о чем лихорадочно размышляла Тамара, следя за дерущимися мужчинами. На улице начали останавливаться зеваки, но она их не замечала, потому что они держались на благоразумном расстоянии.

Она вздрогнула, увидев полный ненависти взгляд мужа, устремленный на нее.

– Ты покойница, – прохрипел он, извиваясь под Романом, прижимающим его к асфальту. – Я все равно тебя убью.

Тамара побелела, как полотно. Она знала, что Исмаил не тот человек, который бросает угрозы на ветер.

– Роман! – окликнула она, подступая к дерущимся мужчинам. – Кончай его.

Роман, придавив Болотова затылком к тротуару, обернулся через плечо на начальницу. Его взгляд был полон изумления.

– Да, ты правильно понял, – процедила Тамара и топнула ногой так сильно, что едва не сломала каблук. – Или ты его, или он меня.

Роман колебался:

– Но...

– Обычная самозащита, – быстро проговорила Тамара. – Он напал с оружием, я дам показания.

– С ума сошла? – Болотов попытался сбросить с себя Романа. – Да я вас...

Договорить он не смог, потому что Роман ударил его головой в лицо.

– Ты слышал? – выкрикнула Тамара. – Нам обоим не жить, если ты его отпустишь!

Пока она говорила, Болотову почти удалось завладеть пистолетом. Ярость удесятряла его силы. Роман понимал, что не сможет вечно удерживать этого человека. А еще он понимал, что Болотов несомненно прикончит жену. Сегодня, завтра, послезавтра... И спасти ее от неминуемой смерти может только одно.

Роман посмотрел на побагровевшего противника. Глаза Болотова были пылали, как угли, перепачканное кровью лицо корчило жуткие гримасы, изо рта текла кровавая слюна. Он был настоящим буйным сумасшедшим, представляющим

собой реальную угрозу для жизни окружающих.

Изловчившись, Роман приставил ствол к его виску. Палец, обхвативший спусковой крючок, усилил нажим.

Хлоп! Сухой выстрел напомнил Тамаре звук вылетевшей пробки шампанского, которое она любила прихлебывать прямо из горлышка, остывая после бурного секса с очередным избранником. Но, когда она увидела растерянные глаза Романа и застывшего на тротуаре мужа, то поняла, что произошло. Только тогда она осознала, что теперь уже ничего нельзя вернуть или оставить, как прежде.

Тамара бросилась к мужу. Из его виска текла кровь, остекленевшие глаза уставились куда-то в вечернее небо.

– Измаил! – пробормотала она. – Измаил?

Вставший Роман отряхивал одежду, поглядывая на убитого им человека. Угрызений совести не было. Он являлся начальником охраны Тамары Болотовой и получал неплохие деньги за то, что оберегал ее от разного рода неприятностей. Если бы Роман не выстрелил в Болотова, то сейчас на его месте с простреленной головой могла лежать Тамара. А, может, и он рядом с Тамарой. Роман не хотел умереть так глупо. Ему иначе представлялась собственная смерть. Но иначе виделось и то, что будет после.

Это выяснилось во время следствия. Некоторые подробности были потом оглашены в суде, на котором присутствовал и Роман Волин. В качестве обвиняемого.

Да, говорили свидетели, Измаил Болотов ревновал, но не

беспочвенно. Тамара была, как говорят в народе, «слабой на передок». Этот грешок сочетался у нее с пристрастием к крепким и слабым алкогольным напиткам. Поэтому любовников у Тамары Болотовой было с избытком. Не все имена и лица она помнила. Не с каждым, будучи трезвой, она бы даже кофе согласилась выпить, не то, что разделить постель. Но хмельная голова была телу не указ, поэтому снова и снова Тамара вступала в половые связи, сухо именуемые в протоколах «случайными» или «беспорядочными».

Болотов знал об этом грехе своей супруги. Но, как говорится: не пойман – не вор. А застигнута на месте преступления Тамара не была ни разу. Вот и приходилось Болотову от бессилия избивать жену, пытаясь наставить ее на путь истинный. Обычно, после таких пылких сцен, следовали сцены не менее пылкого примирения. Затем пару, а то и тройку недель Тамара была, как шелковая.

Но в этот раз гнев Болотова перешел все границы. Сначала он просто подозревал жену в очередной связи на стороне. Потом нанял частного сыщика, который сделал соответствующие снимки в соответствующих местах и позах. В трагический вечер своей гибели Болотов получил фотографии жены, запечатленной с Романом Волиным на заднем сиденье автомобиля. Но только на этих злополучных снимках лица Романа не было видно. Болотов не знал, кто является любовником его жены, но намеревался это выяснить. Уезжая с работы, он прихватил пистолет, намереваясь с его помощью

добиться признания от Тамары. Потом он намеревался наказать ее любовника, а для этого принял на грудь чуть ли не бутылку водки.

Это, в сущности, его и погубило. Выпив, Болотов перестал себя контролировать, потерял осторожность и бдительность. Естественно, профессиональный охранник Роман был собран и тренирован. Он без труда сумел завладеть оружием противника. Далее, как полагал прокурор, следовало вызвать полицию, а не совершать самосуд. Адвокат ему возражал, но не слишком убедительно, а Тамара Болотова не произнесла ни единого слова в защиту своего спасителя. Она вообще не явилась в суд, сказавшись больной от переживаний. Сделала вид, что вся эта история ее не касается никаким образом. Не рассказала следствию правду, не наняла Роману опытного адвоката, не сунула взятку, кому надо. Будь ее воля, он мог бы отделаться условным сроком, но не отделался. Тамара попросту предала его. И с тех пор, как он попал на зону, от нее не поступало никаких вестей.

Роман пустил свою жизнь под откос, когда нажал на спусковой крючок. Судьба тоже нажала на спусковой крючок. Роман лишил жизни Болотова. Судьба лишила Романа свободы. На семь долгих лет.

В первый же день работы на лесоповале Роман понял, что попал в ад. Как и у большинства заключенных, опыта подобной работы у него не было, техника и бензопилы были старые, поэтому часто ломались. На лесоповале частенько

приключались несчастные случаи: то кого-то деревом придавит, то бревном прибьет. На глазах у Романа молодого парня-вальщика задавило елью в первый же день его работы. Когда парня вытащили из-под ели, он походил на кучу окровавленного тряпья.

Роман всю жизнь прожил в городе, поэтому, несмотря на спортивный образ жизни, сначала был ужасно неуклюж, приспособливаясь к работе на лесоповале. На третий же день работы трактор, выкорчевывавший пни, придавил ему ногу. Но поблажки Роман не получил, пришлось работать весь оставшийся день, преодолевая боль.

К вечеру нога распухла, как полено. После осмотра в медчасти, выяснилось, что у Романа треснула кость. Ему дали больничный на неделю, а потом выгнали на работу. Хорошо еще, что мужики из бригады вошли в положение. Роман работал медленно, таская за собой распухшую ногу в носке, потому что никакая обувь не налезла. Работать было невыносимо трудно. Даже здоровому человеку выполнить требуемую норму едва ли возможно, а с больной ногой и подавно. Но протестовать Роман не стал, потому что могли забить насмерть и списать на несчастный случай в лесу. Подобные «несчастные» случаи, когда зэки погибали на делянке, были явлением обычным. Вот Роман и работал, стиснув зубы, собрав волю в кулак.

Так приобретался драгоценный опыт лагерной жизни. Следующие два года прошли для Романа, практически, без

травм, не считая ссадин и царапин. Теперь он управлялся с пилой легко, играючись, почти красиво.

Так было и сегодня. Рабочий день начался совсем недавно, но, казалось, длится уже целую вечность. В лесу монотонно ревели пилы, то и дело, срываясь на истерические нотки. Утреннее солнце смутно виднелось сквозь облака. Воздух казался густым от сладкого аромата свежеспеленных деревьев, но для эков тот запах ассоциировался лишь с каторжным трудом. Щурясь от опилок, летящих пылью во все стороны, Роман плотно сжимал губы. Толстая ель никак не хотела ему поддаваться, но неожиданно тоскливо скрипнула и, словно стараясь удержаться подольше, медленно повалилась на землю, ахнув в момент удара о землю.

– Ну, наконец-то, милая! – вздохнул Роман.

Он вытер шапкой вспотевшее лицо и сел на пенек от сваленной ели. От его головы шел пар.

Увидев, что Роман сел отдохнуть, его напарник Буравчик тут же оставил работу. По жизни Буравчик был шнырем, вертелся вокруг воров, но с Романом у него сложились приятельские отношения. Роману нравился характер цыгана – всегда веселый, не унывающий оптимист. Правда, в карты с ним играть не садись – мухлевал Буравчик безбожно. Карты делал сам из газет, склеивая их хлебным клейстером, шлифовал и ставил всевозможные тайные метки.

На воле Роман не стал бы водить дружбу с подобным типом. Буравчик был хитрым, часто беспринципным и во всем

искал для себя выгоду. Но у него всегда были в запасе тюремные байки или анекдоты, поэтому время в его компании летело незаметно.

Буравчик неспешно подошел к Роману и посмотрел на проглянувшее солнце, прищурившись от яркого света:

– Вроде светит, а тепла не дает, – сказал он.

– Осень, – философски заметил Роман.

Буравчик достал сигарету, повертел ее в грязных пальцах.

– Покурим?

– Твою?

– Можно и мою.

– Тогда можно, – согласился Роман.

Буравчик прижал сигаретный фильтр зубами, прикурил и усмехнулся, наблюдая, как товарищ улыбается, подставив лицо солнцу.

– Млешь? – спросил он.

– Не понял?

– Анекдот такой есть. – Буравчик сделал глубокую затяжку и протянул сигарету Роману. – Не знаешь?

– Рассказывай. – Роман сделал пару затяжек и вернул окурок цыгану.

– Ну, значит, зек пятнашку в зоне отмотал. Вышел – солнышко светит, весна, полный кайф. Смотрит, в песочнице маленькая девочка играет. Хорошо так стало у мужика на душе, тепло. Собрал он все самое лучшее, что было в нем, погладил девочку по головке и от чистого сердца хриплым

злобным голосом сказал: «Млеешь, падла?»

– Млею! – засмеялся Роман. – Кажется, распогодилось, да и дом вспомнился... Скорей бы обратно.

– А мне две бани – и на воле! – усмехнулся цыган, сверкнув золотыми зубами.

– Завидую. Мне еще пять лет чалиться.

Роман вздохнул и надел шапку. Буравчик зыркнул по сторонам и спросил:

– Дома ждет кто?

– Не то что бы. Я теперь вроде как сам по себе.

– Скучно, брат.

– Нормально.

Сплюнув, Буравчик спросил равнодушным тоном:

– Помнишь, ты мне рассказывал, что из-за телки богатой сюда попал?

Роман бросил косой взгляд на собеседника:

– Ну?

– И как?

– Что – как?

– Может, когда на воле буду, зайти к ней? – стал развивать мысль Буравчик. – Помощи попросить? Подвела под монастырь, пусть хотя бы подогревает тебя.

Роман задумался над вопросом Буравчика. Он не обратил внимания, что совсем рядом, прислонившись спиной к рыжему сосновому стволу, стоит Моня – проницательная воровская шестерка. А вот сам Моня обстановку контролировал.

Он выглянул из-за дерева, чтобы удостовериться, что правильно узнал собеседников по голосам, а потом скрылся снова.

– Как ты себе это представляешь? – осведомился Роман.

– Очень просто представляю, – ответил Буравчик. – Ты же говорил, что она богатая, Тамара эта.

– Богатая.

– Ну вот. А на сибирский курорт ты по ее вине попал. Справедливо будет, если эта сучка богатая тебя вытащит.

– Каким образом?

– А пусть заявление напишет. Мол, фа-фа, тополя, он меня защищал и все такое. Так будет справедливо, не находишь?

– Справедливо было бы, если она его сразу показания даст, что я ее защищал, – проворчал Роман и пожал плечами.

– Лучше поздно, чем никогда, – рассудил Буравчик. – Дай мне адресок этой Тамары, а я зайду, покалякаю.

– Добро. Я подумаю.

– Подумай, Воля, подумай.

– Давай работать, а то бугор идет.

Роман встал с пня и взял в руки пилу, показывая, что разговор окончен.

Сплюнув, Моня пошел прочь, размышляя над тем, что услышал, то и дело оглядываясь на Романа и Буравчика. Они, изображая энтузиазм перед бригадиром, даже не посмотрели в его сторону.

Остаток рабочего дня Роман думал о предложении Буравчика. Теперь эта идея не давала ему покоя: «Вдруг действительно получится? – размышлял он. – Может быть, Тамара уже раскаялась? Может, действительно напишет заявление или наймет адвоката и обжалует приговор?»

«Раскаялась, как же! – сам себе возразил Роман, продолжая жужжать пилой. – Что ж тогда она меня не провела ни разу за эти годы? Забыла к едрене фене. Я ее приказ выполнил, а ей хоть бы хны».

От напряжения него на висках вздулись вены, сделавшись похожими на спутанную проволоку. Закончив пилить ель, Роман передал ее заботам вальщика.

– Па-бе-ре-гись! – крикнул вальщик, чтобы зэки обратили внимание на опасность, и подтолкнул толстую ствол, наблюдая за его падением.

Треща ветками, ель с грохотом обрушилась на землю. Поваленное дерево, как добычу, окружили зэки и принялись рубить сучья.

Роман начал пилить новое дерево, а в его голове продолжали бродить мысли. Он говорил себе: «Тамара могла успеть раскаяться за эти годы. Но теперь ей сделать первый шаг стыдно. Если ей дать ей понять, что я ее простил, тогда она с радостью откликнется. Ведь она бросила меня в беде не от подлости натуры, а потому что испугалась. Все-таки речь шла об убийстве, а она хоть и богатая, но просто баба».

Роман улыбнулся сам себе. Свобода показалась ему близ-

кой и реальной, как никогда за эти два года. Нельзя было упускать даже малейший шанс вырваться из-за колючки. «Буравчик – нормальный парень, – думал Роман. – Он сможет уболтать Тамару. И ничего постыдного в этом нет. Тем более, это не я сам за себя просить буду, а мой кореш. Еще пять лет тюрьмы – это много, очень много. Действовать надо».

Приняв окончательное решение, Роман приказал себе переклЮчить мысли на что-нибудь другое. Но из этого ничего не получилось. Перед мысленным взором то и дело возникало холеное, надменное лицо Тамары. Где она сейчас? Чем занимается? Вспоминает ли о бывшем начальнике охраны, спасшем ее от смерти?

Глава 2

Тамара о существовании Романа даже не вспоминала. Ей было не до того.

– Господи, как же здесь хорошо! – Сидя на скамейке в тени пальм, Тамара подставила лицо солнцу. – Просто рай на земле. Иногда нужно бросить все и ни о чем не думать.

– Да, ты права, – ответила Варвара. – Особенно, когда можешь себе это позволить. – Она с улыбкой посмотрела на красивый парк, в котором они находились.

– А для чего я, по-твоему, пашу семь дней в неделю по двадцать четыре часа в сутки? Для того, чтобы иметь возможность вот так вот расслабиться.

Варвара промолчала, но про себя подумала, что она тоже пашет. И побольше, чем сестра. Потому что Тамара уже с раннего вечера подшофе или ездит по клубам с молоденькими мальчиками. А иногда и с довольно зрелыми мужчинами. Так что Варваре приходилось брать на себя ответственность за подписание различных важных договоров или контрактов, не надеясь на сестру. По вине Тамары у фирмы неоднократно возникали проблемы. И если бы не Варвара, то сестры могли лишиться своего бизнеса, как минимум, несколько раз.

Размышления Варвары прервал голос Тамары:

– Варя, ты чувствуешь, какой здесь аромат? Ты только

вдохни!

– Конечно, чувствую! Такая смесь: кипарисы, кедры, жасмин, горы и море! Ну что еще нужно для счастья?

– Я знаю, что еще нужно!

Варвара вопросительно посмотрела на сестру.

– Кофе по-турецки, – улыбнулась Тамара. – Пойдем?

Совсем рядом с парком находилось уютное турецкое кафе со свежей выпечкой, аромат которой разносился на десятки метров. Слегка ослепшие от яркого анталийского солнца, сестры вошли внутрь. На витринах лежали горячие сдобные булочки с сыром, бараниной и шпинатом, высились пирамиды из курабье, на больших подносах стояли аппетитные маленькие восточные сладости, залитые медовым сиропом и усыпанные орехами, а эклеры призывно блестели черными шоколадными боками.

– Ну и запах! Я бы здесь осталась навсегда. – Втянув в себя аромат кофейни, Тамара закрыла глаза от блаженства. – С каким-нибудь горячим турком.

Варвара смутилась и поспешила сменить тему.

– Даже не знаю, что выбрать, – сказала она и посмотрела на витрины, пытаясь остановить свой взгляд на чем-то одном.

– Я предлагаю расслабиться и не думать о фигуре. – Тамара подмигнула сестре с видом искусительницы и обратилась к подошедшему продавцу:

– Вот это, пожалуйста. – Она ткнула пальцем на поднос с

зелеными сладкими батончиками. – Вот этих, – ткнула она в пахлаву с фисташками, – этих вот и таких тоже положите. – Она показала на манившие ее сдобные булочки.

Затем глаза Тамары разбежались и она стала указывать на все подряд.

– Мы столько не съедим, – напонила Варвара. – Давай в следующий раз остальное попробуем?

– Во-первых, день длинный, а во-вторых, я хочу, чтобы мы себе ни в чем не отказывали. А иначе для чего еще нужны деньги? Чтобы ограничивать себя?

Варвара только пожала плечами и согласилась с сестрой, как она привыкла поступать всю свою жизнь. У нее характер был мягкий и сговорчивый, ей было проще уступить, чем отстаивать свою точку зрения. Тамара же всегда получала то, что хотела и шла напролом.

Маленький деревянный столик на улице, за которым сидели сестры, был уставлен тарелками с лакомствами. Улыбчивый официант в белой рубашке поставил перед каждой маленькую чашечку кофе по-турецки и стакан прохладной воды с долькой лимона.

– Потом погадаешь мне, – обратилась Тамара к Варваре. – Хочу знать, что ждет впереди.

– Я давно не гадала никому. Не знаю, помню ли я еще, как это делать.

– Господи, как же вкусно! – перебила Тамара, жуя пирожное. – Попробуй!

– Я сначала возьму это. – Варвара взяла вилкой маленькую пахлаву и положила в рот, прикрыв глаза. – М-м-м, просто восторг!

– К счастью, мы приехали всего на неделю, за это время много лишнего веса не наберем.

Тамара отрезала от каждого пирожного по кусочку, чтобы суметь попробовать все. Варвара последовала ее примеру.

– Но все же, нам здесь не мешало бы по утрам заняться пробежками, – заметила она.

– Завтра так и поступим. Бег вдоль моря – что может быть полезней для здоровья? – Тамара сделала глоток кофе и довольно покачала головой. – Да, это не то, что я пью у себя дома. Надо купить джезву и научиться варить кофе по-турецки.

– Я научу тебя. Это просто.

Тамара допила кофе, сделала несколько вращательных движений чашечкой, а затем перевернула ее вверх дном на блюде:

– Я все правильно сделала?

– Правильно, теперь пусть остынет, – сказала Варвара, потрогав дно чашки. – Оно должно быть холодным.

– Слушай, ты же знаешь, что я слишком любопытная, чтобы ждать. Допивай свой кофе, и гадай скорее.

Варвара послушно допила кофе и подтянула к себе блюдо сестры. Она осторожно перевернула чашку и посмотрела на дно:

– Тебя скоро ждет встреча с прошлым. И тебе придется заплатить за совершенные раньше грехи.

Варвара нахмурилась, собираясь продолжить, но сестра прервала ее:

– Слушай, может, ты правда разучилась гадать? Не желаю слушать о прошлом. – Тамара забрала свою чашку у сестры и перевернула ее вверх дном на блюде. – В другой раз погодаешь. Лучше посмотри, какой день замечательный!

День и впрямь был хорош. Уже осень, а в Анталии стоит настоящее жаркое лето. Море все еще теплое и ласковое, зовущее зайти и поплавать в прозрачной, как слеза, воде. Едва выходишь на берег, как капельки воды на коже превращаются в соляные крупинки. Лежишь на полупустом пляже и слышишь пение муэдзина в мечети, которое тысячи лет остается неизменным. А у ног твоих – древнее Средиземное море шепчется с галькой, сортирует камни, перекладывает их с места на место, как неугомонный ребенок. И понимаешь, что ты в этой вечности – только песчинка. У тебя есть одно мгновение, которое нам кажется жизнью, а вечности – короткой вспышкой. А чаще даже не вспышкой, а только холодным щелчком выключателя...

Так думала Варвара, глядя из кафе на солнечную аллею. Ей стало немного грустно. И, как всегда в такие моменты, ей вдруг вспомнился Роман Волин, имя которого для нее звучало, как укор. Притворяясь равнодушной, она спросила у сестры:

– Давно хотела спросить... Есть какие-нибудь вести от Романа?

– От какого Романа, – удивилась Тамара.

– Твой начальник охраны. Неужели забыла?

– Кто он такой, чтобы я его помнила? Сидит, наверное. А тебе что?

– Ничего, – тихо ответила Варвара и потупилась.

Она покривила душой. Судьба Романа была ей не безразлична.

* * *

Последние два года Варвара думала о Романе так часто, что это было похоже на манию. До того, как он оказался на зоне, она любила его тихой и спокойной любовью. Конечно, со слезами и бессонными ночами – все было так, как положено при неразделенной любви. Однако с тех пор, как Роман попал в места не столь отдаленные, любовь Варвары разрослась до необъятных размеров, порой, мешая дышать и не давая думать ни о чем другом, кроме надежды на встречу. Но провести его она не решалась, и на то была своя причина.

Два года назад Варвара жила с Тамарой и ее мужем, пока в ее квартире заканчивали ремонт. Именно тогда она впервые увидела Романа и позавидовала счастью сестры, ведь Тамара могла видеть его каждый день. А посмотреть было на что: высокий, подтянутый, широкоплечий брюнет с ко-

роткой стрижкой, всегда гладко выбрит, одет по форме, но со вкусом. Необычной фишкой Романа, отличавшей его от предыдущих охранников, были дорогие духи. Когда он проходил мимо, Варвара незаметно вдыхала его аромат, улыбаясь от удовольствия.

Прошло пару недель, и Варвара обнаружила, что ее маленькое увлечение начальником охраны стало куда серьезней, чем она сама того хотела. Тамара не упускала ни одной возможности бросить взгляд на поджарые ягодицы привлекательных мужчин. Но когда Варвара заметила этот хищный взгляд сестры, направленный на Романа, внутри нее разлился обжигающий гнев. В этот момент она осознала, что начала ревновать Романа. И это было нехорошо, очень нехорошо, ведь ревность – это первый предвестник любви. Именно тогда Варвара стала делать все, чтобы ремонт в ее квартире длился как можно дольше. Ей не хотелось покидать этот дом, где каждое утро она встречала Романа.

С точки зрения разума, полюбить начальника охраны для Варвары не представлялось возможным, поскольку они находились на разных социальных ступенях и вращались в разных кругах. У нее было два высших образования, доля в бизнесе и интеллигентные родители. Варвара обладала массой положительных качеств и талантов: прекрасно пела и играла на фортепиано, дружила с рифмой и успешно занималась фигурным катанием. О детстве и юности Романа ей не было известно ровным счетом ничего. Но она понимала, что по-

добную работу для себя могут избрать только люди без больших перспектив и надежд на будущее. И она была права. У Романа не было ни высшего образования, ни обеспеченных родителей, но зато были свои таланты, как, например, умение драться, целеустремленность и способность располагать к себе людей. Даже таких избалованных, но в то же время разных, как Варвара и Тамара.

Роман был так пунктуален, что по нему можно было не только сверять часы, но и отправлять ракеты в космос. Он не опаздывал никогда, даже если дороги были на ремонте или упал метеорит. Когда же Роман однажды не приехал в положенное время, чтобы забрать Тамару, Варвара забыла обо всех своих принципах и принадлежности к «высшему обществу». Сейчас ее мучили два вопроса: «Не уволила ли Тамара Романа?» и «Смогу ли я еще его увидеть?». Она не имела права показать свое волнение, чтобы не открыть карты перед сестрой и не стать объектом для насмешек. Поэтому она выбрала наиболее удачный момент во время завтрака и небрежно бросила Тамаре, нарочно откусив кусок зажаренной гренки:

– А что, сегодня твой телохранитель отдыхает?

Тамара оторвала взгляд от глянцевого журнала:

– Тебе не нравится, что я все еще дома? Может быть, я мешаю тебе?

– Ну, что ты выдумываешь? Просто твой Роман... – Варвара поморщилась, словно она только что не нарочно спута-

ла имя Романа — ...он всегда такой пунктуальный, а сегодня его все еще нет.

— Я что-то не пойму. — Тамара закрыла журнал и с детским любопытством заглянула в глаза сестре. — Может, ты по нему соскучилась?

Варвара закашлялась от неожиданности:

— По твоему охраннику?

— По моему начальнику охраны, — ответила Тамара, сделав упор на слове «начальник».

— С ума, что ли сошла? — От мнимого негодования Варвара вскочила из-за стола. — Думай, что говоришь! — Ее щеки и уши пылали. — Когда это мне нравились малообразованные и недалекие?

— Я бы не бросалась такими фразами. — Прищурилась Тамара, склонив голову на бок, готовая к новому отпору сестры. — Особенно, если сама знаешь, что лжешь.

— Ну, знаешь!

Варвара выскочила из столовой, потому что не нашла, что еще сказать в свою защиту и не придумала ничего лучшего, чем изображать праведный гнев.

Тамара с усмешкой и удивлением смотрела вслед сестре. Она была достаточно проницательной женщиной, чтобы заметить, что Варвара влюблена.

После одного случая, который людям со стороны мог бы показаться ничего не значащим, Варвара поняла, что ее чувство никогда не будет взаимным. В тот день она услышала,

как Тамара сказала ожидавшему ее у входной двери Роману:

– Странно, что Варя не вышла сегодня на тебя посмотреть. – Она вдела руку в рукав куртки, поданной Романом. – Обычно она не упускает такой возможности.

– Думаю, ты преувеличиваешь, Тамара, – смутился Роман.

– Ты считаешь, что можешь оставить равнодушной какую-то женщину?

Тамара игриво повела плечами и подступила к Роману.

– Варвару вряд ли может заинтересовать охранник, – ответил он.

Тамара похотливо закусил губу и окинула его взглядом:

– Даже такой красавчик, как ты?

– Мне кажется, Варвара для этого слишком...

Роман напрягся, стараясь подобрать нужное слово, но ему подсказала Тамара:

– Скучная?

Варвара, стоявшая за дверью, прижалась к косяку и почувствовала, как ее бросило сначала в жар, а потом в холод.

– Может, вернее сказать – слишком правильная, – ответил Роман.

– Вот в чем заключается главный подвох, – вздохнула Тамара. – Если старшее поколение считает нас хорошо воспитанными, значит, ровесники считают скучными и неинтересными.

Сказав это, Тамара бросила взгляд в зеркало, взбила при-

чески и вышла в открытую Романом дверь, крикнув с порога:
– Варя, я ушла!

Варвара почувствовала, как от обиды по щекам потекли слезы. Меньше всего влюбленный человек хочет казаться скучным тому, в кого влюблен. Если до этого она считала себя яркой и неординарной, то последняя фраза Тамары сильно подорвала самомнение Варвары. Она вдруг ощутила себя жалкой и одинокой. Ей стало досадно от того, что она всю свою жизнь старалась угодить старшим и соответствовать своему социальному классу. И чего она этим добилась? Тамара со школы плевала на мнение окружающих и родительское недовольство. Теперь у нее был богатый муж и красивый любовник, которому она искренне нравилась. Потому что Тамара была непредсказуемой и смелой, а она, Варвара, как диетическое меню – полезное, необходимое для больных, но слишком скучное и постное для здоровых. Она со своими двумя высшими образованиями и интеллигентными родителями не была интересна простому охраннику без высшего образования. И самое неприятное в этой истории было то, что он знает о ее симпатии и шутит на эту тему с сестрой.

Под эти невеселые мысли, незаметно для себя, Варвара задремала. И приснилось ей небритое и темное лицо Романа с потухшим взглядом, который почему-то пилил большую ель. Ель тяжело упала на толстый ковер из иголок, и Варвара, дернувшись от неожиданности, проснулась. Спустя несколько дней, Романа арестовали.

Глава 3

В накуренном бараке стоял нескончаемый гул сливавшихся воедино голосов. В одном углу четверо зеков играли в карты и горячо спорили о чем-то. В другом углу человек десять хохотали над каким-то приколом или анекдотом. Некоторые умудрялись спать в таком шуме. И никому не мешали ни столбы табачного дыма и густой запах потных, невымытых тел. Во всяком случае, Буравчик не обращал на них никакого внимания. Он сидел на своей шконке, вырезая самодельным резакom шкатулку, предназначенную для обмена на чай или курево.

У единственного окна семеро воров гоняли чифир, ведя неспешную беседу. Слово взял низкорослый зек, то и дело прикрывающий глаза от удовольствия и потирающий рыжевату ю бородку, за которую ему дали кличку Ленин:

– Такая свадьба у меня была! Отвечаю, столы от жратвы ломились! И семга соленая, – Ленин причмокнул, – и грибочки с огурчиками, и селедочка с картошечкой, и шашлычок с помидорчиками...

– Слышь, Ленин, хорош! – взмолился старый сиделец Бомж, свесив голову с верхней шконки. – Жрать охота от такого натюрморта!

Все заржали:

– Бомж, ты всегда жрать хочешь!

– Я, пацаны, жрать всегда хочу, оттого, что никогда досыта не ел. – Бомж задумался на секунду. – Брешу. Раз было. Еще молодой был, познакомился с кралеЙ одной. Она меня к себе на дачу привезла, чтобы я ей баньку до ума довел. Мужа она схоронила, значит... Так вот накормила она меня в обед борщом, а в ужин – макаронами с маслом и котлетами. Никогда вкусней и сытней не ел. – Глаза Бомжа стали влажными от грусти и прошлого счастья.

Чифиристы замолчали. Всем стало жаль старого Бомжа, в воспоминаниях которого, макароны с котлетами были самым светлым событием.

Паузу прервал Лом, тощий зек с грязным бинтом, обмотанным вокруг шеи:

– Что там макароны! По малолетке я браконьерил в Таганрогском заливе. – Глотнув чифиря, он подогнул под себя ногу, чтобы усесться поудобней. – Так там черную икру мы жрали ложками. Вместо супа в тарелки накладывали и ели. Без соли.

Продолжая передавать по кругу большую кружку с чифирем, зеки покачивали головами и мечтательно улыбались, каждый вспоминая свое.

– Воля! – неожиданно окликнул Гренадер, обращаясь к Роману. – Что ты, как не родной? Давай к нам! Чифирку попьем.

Задремавший Роман обнаружил себя лежащим на верхней шконке.

– Я? – Ему казалось, что это продолжение сна, потому что за два года он никогда не пил с ворами чифир, слишком велика честь. Он был простым мужиком и на смену масти не претендовал.

– Ты, ты, Воля. А кто ж еще? – усмехнулся Гренадер. – Подруливай сюда. Буравчик заваривать умеет, доброе пойло делает. – Гренадер сделал глоток чифира и пригласил Романа жестом к их компании. – Устал сегодня?

Роман несмело спустился вниз со своей койки, зазвеневшей металлической сеткой. Он не мог понять, с чем связана такая перемена в настроении воров, но заставлять себя ждать было нельзя.

– Устал. – Роман на ватных от волнения ногах подошел к компании.

– Так вот и присядь, выпей лекарство, и твою усталость, как рукой снимет. – Гренадер протянул Роману кружку. – А то какой санаторий без процедур?

Роман сел в круг с ворами и сделал пару глотков почти тягучей черной жидкости, а затем передал кружку дальше. Все делали вид, что не происходит ничего странного. Никто не обращал внимания на появление Романа, а он старался скрыть свое замешательство и неловкость. Когда кружка снова оказалась в его руках, он глотнул горячего чифира и по его телу пробежали приятные мурашки. Это значило, что теперь можно выкурить сигаретку. Роман помнил, как однажды он сделал пару затяжек сразу после нескольких глотков

чифия. Тогда к его горлу подступила неодолимая тошнота. Теперь он знал, что нужно подождать, пока чифирь «приживется» в теле. Насыщенный, терпко-горький вкус заставляет непроизвольно, конвульсивно передергиваться и съеживаться – дрожь пробивает до самого нутра.

– Ну, Воля, что решил? Как дальше жить думаешь? – хрипло спросил Гренадер.

Худой, жилистый, высокий, он внушал страх и уважение. У него были правильные черты, но никто бы не назвал его красивым. Все дело было в выражении лица. Оно было беспощадным и хищным. А глаза у Гренадера были совершенно волчьи.

Роману не удалось долго выдержать его взгляд и он уставился в кружку.

– А что мне думать? Валю лес, конца срока жду.

– Не, ты не понял меня. Я спрашиваю, по какому закону ты жить собираешься?

– Я и мужиком быть не в обиде. – Роман пожал плечами. Он боялся сказать что-то лишнее, и все время ждал подвоха в вопросах Гренадера.

– Воля, я за тобой давно наблюдаю. – Гренадер сделал затяжку, прищурив глаз. – Ты – правильный пацан. Хочешь, не будешь больше лес не валить? – Он не стал дожидаться ответа Романа. – Я могу тебя отмазать, если ко мне пойдешь.

Роман не нашелся, что сказать. Он не хотел оказаться шестеркой при ворах. Но не знал, как правильно сказать об

этом, чтобы эта беседа не оказалась для него губительной. На зоне не так, как на воле. Здесь за каждое свое слово нужно отвечать, за базаром следить, если жить хочешь.

Видя, что Роману сложно дать ответ, Гренадер откашлялся:

– Да ты неменьжуйся. Ответишь позже. Подумай пока. Время у нас есть. – Гренадер не то улыбнулся, не то оскалится.

– Добро. Подумаю, – кивнул Роман.

– А пока выпей чифирчика, силы восстанови к завтрашнему дню. – Гренадер передал Роману кружку.

На свободе Роман привык вести здоровый образ жизни. На зоне начал курить за неимением других отдушин. Да и работу прервать всегда проще, если для перекура, чем просто на пне посидеть. После выпитого чифира у Романа сердце заколотилось быстро, как после пробежки. Он почувствовал такой прилив сил, хоть лес иди рубить. Но Роман знал не понаслышке, что после длительного приема чифира возникает зависимость. Если сделать перерыв в приеме чифира, то жуткие головные боли и депрессии обеспечены. В такие моменты даже небольшое количество обычного чая может вернуть человека в нормальное состояние. Он видел, как опытные чифиристы прячут таблетки «Цитрамон», которые облегчают муки из-за содержащегося в них кофеина.

Сейчас Роману вспомнилась история, произошедшая около года назад. Тогда у них в хате шнырем был не Буравчик, а

Макака, прозванный так за свою ловкость и прыгучесть. Но Макака был слишком хитрый и жадный шнырь. Такие, как правило, долго не держатся. Он заваривал чифир после того, как давал кипятку немного остыть. Благодаря этой уловке, бодрящие вещества в напиток переходили лишь частично, и доставались ему. На уголовном жаргоне эта байда называлась «Байкалом».

Конечно, зэки скоро раскусили хитрость Макаки. И после пары случаев, когда он заварил свой «Байкал», ему дали по морде, а потом накормили «вторяками» – отходами чая, которые специально для этого собрали со всего барака.

Заметив, что Роман задумался и ушел в себя, Гренадер окликнул его и протянул половину сосательной конфеты:

– Держи!

Роман кивнул в знак благодарности и положил конфетку в рот.

– Что ты какой-то чумной? Может, поделишься, о чем думаешь? – Гренадер изобразил дружелюбную улыбку, но глаза его остались серьезными и внимательными.

Роман внутренне поежился под его взглядом и пожал плечами:

– Ничего такого.

– Ну, ничего, так ничего. Хотя тебе есть теперь над чем подумать. – Гренадер снова бросил холодный взгляд на Романа. – О масти своей и о будущем.

У Романа по спине побежали мурашки: то ли от взгляда

Гренадера, то ли от того, что чифир «прижился».

Даже ночью, погружаясь в сон, Роман не мог избавиться от ощущения, что глаза Гренадера видят его насквозь и решают его дальнейшую судьбу.

Глава 4

И начался еще один бесконечный, унылый день в жизни заключенных лагеря особого режима. На завтрак дали кашу именуемую ээками «полиэтилен» – безвкусную, бесцветную и не утоляющую голода. Потом отряды построили и погнали на работу.

В лесу было сыро и неприветливо. Кричали вороны. Ноги скользили по толстому ковру хвои. Когда раздали инструменты, Буравчик в лихо расстегнутой куртке подкатил к Роману и спросил:

– Воля, решишь задачку?

– Задачку? – Роман оглянулся на Буравчика. – Ну, давай свою задачку, попробую.

– Представь, что ты убегаешь от медведя. Видишь в лесу две бочки. Одна с дерьмом, а другая с медом. В какую ты прыгнешь?

– Не знаю, – Роман пожал плечами, понимая, что в задачке должен быть подвох.

Увидев, что Буравчик о чем-то бедует с Романом, Мона подобрался поближе и спрятался за деревом. Его утиный нос, казалось, шевелился и принюхивался к беседующим, нервно подрагивая от возбуждения.

– Проиграл, – заржал Буравчик. – Значит, следующую дачку отдашь мне. В смысле, передачку.

Роман нахмурился:

– Не понял.

– Ты сам согласился, что решишь *за дачку*. Не решил, значит, должен *дачку*. Но я тебя прощаю, все-таки мы с тобой кореша. – Буравчик похлопал Романа по спине.

– Ладно, кореш, а какой правильный ответ?

– «Дальше побегу», – Буравчик снова засмеялся.

Роман закурил и посмотрел на небо: на солнце наплывали густые облака.

– Скоро дожди начнутся, совсем хреново станет. Так что, Буравчик, вовремя ты выходишь. Завидую тебе.

– Ты подумал над моим вопросом?

Буравчик плюнул на грязные ладони и вытер о штаны, но у него никак не получалось оттереть липкий древесный клей.

– Подумал. Тут сложность есть: к Тамаре просто так не подъедешь. Да и охрана у нее, наверное, новая. – Совсем рядом заработали бензопилы, Роману пришлось кричать, чтобы Буравчик слышал его. – Не представляю, как ты подберешься к ней.

Буравчик посмотрел на него заинтересованно:

– Так она просто богатая или очень богатая?

– У них с сестрой Варей сеть спортивных клубов и завод. Так что – да, они очень богаты.

– Где живут?

– Да всего в сотне километров отсюда, в Сибири.

– Слушай, ну сам бог велел! Ты что, на волю не хочешь,

Воля? – Буравчик усмехнулся своему каламбуру.

– Хочу, кореш, больше всего на свете хочу!

Думая об одном и том же, Роман и Буравчик молча докурили оставшуюся сигарету. Моня, прятаясь в пяти шагах от них, почесал свои небритые щеки и, ссутулившись, потрусил прочь. Услышав шорох, Роман повернул голову, но увидел только скрывающуюся в лесу фигуру.

– Кто это был? – спросил он у Буравчика.

– Думаешь, нас кто-то подслушивал? – Буравчик посмотрел туда, куда смотрел Роман, но Моня давно скрылся из вида.

– Надеюсь, что нет. – Роман потушил окурок о ствол и бросил под ноги. – Давай работать. Завтра договорим.

Буравчик принялся спиливать ветки с лежащего дерева, думая о том, как добраться до Тамары. Он не знал пока, как это удастся сделать, но знал, чего хочет от нее. Он понимал, что надежда на ее заявление в суд очень невелика. Поэтому он хотел заставить ее заплатить Роману, как человеку, который спас ей жизнь. Дружба дружбой, но и о своем интересе он, конечно, тоже не забывал.

* * *

Сегодня у отряда Романа был банный день. На зоне это не такое простое и приятное мероприятие, как на воле. Попав в банное помещение, сначала нужно найти тазик. Их мало,

поскольку все растаскиваются по отрядам. Затем, когда таз освободится, его нужно помыть, а для этого надо отстоять очередь. Вода течет очень тонкой струйкой, поэтому быстро времени это занимает много. Напряжение растет и катится, как снежный ком, вокруг слышна ругань и хорошо, если купание обходится без членовредительства.

Отдельно от всего отряда, окутанный клубами пара, сидел Гренадер со своими ворами. У них всего хватало: и воды, и тазиков. На этой территории никто даже помыслить не мог о крысятничестве.

Перед Гренадером, похожим на римского императора, закутанного в тогу, стоял Моня, прикрывшись то ли разорванной простыней, то ли наволочкой.

– Ты адрес узнал? – глядя куда-то в сторону, спросил Гренадер у Мони.

– Нет, они об этом пока не говорили.

– А ты уверен, что они в хате еще не перетерли?

– Уверен. Воля сказал, мол «Завтра поговорим, Буравчик».

– Ну, смотри, Моня. – Глаза Гренадера сверкнули, словно волчьи. – Если прощелкаешь адрес – меня не колышет, где ты его возьмешь. Ты понял меня?

– Понял, – ответил Моня, потупившись.

– Буравчик через неделю откинется, так что ходи за ним, как тень. – Гренадер плеснул себе в лицо холодной воды. – Фу, хорошо! – Он поднял глаза на Моню. – Ну, что стоишь,

как вкопанный? Свободен!

Заискивающе склонив голову, Моня заскользил по мокрым полам вглубь бани, пока не скрылся из виду за завесой горячего пара.

Роман стоял в очереди с грязным тазиком, чтобы помыть его. Очередь не двигалась, потому что какой-то умник впереди занялся стиркой.

– Ну, давай шевелись! – несмело крикнул полный коротышка куда-то неопределенно вперед.

– Все хотят искупаться! – подключился рыжий веснушчатый парень, больше похожий на ботаника, чем на зэка.

– Кто тут вякает? – Здоровый бугай оставил стирку и неспешно подошел к возмущавшимся. – Это ты сильно торопишься? – Бугай ткнул рыжего пальцем в грудь.

– Я, как и все здесь собравшиеся, хочу искупаться. В порядке очереди.

– Хочешь, я подскажу тебе, где краны свободные и очереди нет? – Бугай кивнул подбородком туда, где мылись петухи.

У каждого петуха был свой тазик, свой кран, и никто никого не торопил. Банный день был для них приятным еще и потому, что сегодня они могли себя обеспечить куревом и чаем на всю неделю. Они отходили за специальную занавеску со всеми желающими. К концу дня петухи тяжело передвигали ноги и старались не разговаривать, потому что челюсти сводило от усталости. Рыжий увидел, как очередной

петух пошел за ширму с толстяком в наколках.

– Нет, я готов подождать, – напряженно ответил рыжий, переминаясь с ноги на ногу.

– А то я могу устроить, что ты на следующей неделе будешь без очереди мыться. – Бугай окинул наглым взглядом рыжего с ног до головы. – Попаришься, а заодно и чай с сигаретами заработаешь.

– Нет, я не хочу. – Рыжий боялся смотреть в глаза бугаю и искал поддержки у коротышки. Но коротышка отвернулся и завел разговор со стоящим рядом зэком, словно пять минут назад он ничего не кричал.

– Если кто-то захочет мыться без очереди, то обращайтесь, не стесняйтесь. Я помогу. – Бугай окинул очередь пристальным взглядом и усмехнулся. – Вижу, пока желающих нет. Значит, я пошел стирать?

Он снова посмотрел на стоящих, но все опустили глаза в пол, чтобы не встретиться взглядом с бугаем. Бугай неторопливо вернулся к своему тазику и снова принялся за стирку.

К Роману, наблюдавшему за этой сценой, бесшумно подошел Ленин и хлопнул по плечу:

– Воля, пойдем, со мной.

– Куда?

– Ну, разговор есть, раз зову. Не дрейфь.

– Я не дрейфлю.

Роман послушно пошел за Лениным. Пока он шел за ним, он понял, что такую кличку Ленин получил не только за кли-

новидную бородку, но и за ранние залысины. Пробравшись сквозь множество голых тел и клубы пара, Ленин привел Романа к лавке, на которой сидел Гренадер со своей свитой.

– Здоров, Воля! – дружелюбно поздоровался он.

– Здорово, Гренадер. – Роман пожал протянутую руку.

– Ты присаживайся, у нас места на всех хватает. Не должен правильный пацан в очереди полдня стоять, чтобы помыться. Это пусть они ждут. – Он указал на очередь мужиков. – Те, кто привык в стаде жить.

Роману дали тазик и освободили место на лавке. Он послушно сел и, глядя на остальных, стал тоже намыливаться.

– Что, чифирчика сегодня попьешь с нами?

– Гренадер, я еще не готов дать ответ, – сказал Роман, чувствуя, как у него в желудке разливается холод и замирает сердце.

– Тихо, тихо. – Гренадер поднял ладонь, давая понять, что сейчас не хочет слушать объяснения Романа. – Я ж сказал – думай. Я тебя не тороплю. А пока просто так с нами посидишь, пообщаешься. Или тебе, может, неприятна наша компания?

– Приятна, – поспешил заверить Роман, надеясь, что в его голосе не будет слышна фальшь.

– Вот и славно. Значит, будем получать, так сказать, обоюдное удовольствие. – Гренадер хрипло засмеялся, и его смех поддержали остальные.

В эту ночь Роману не спалось не только от выпитого вечером чифира, но и от разных мыслей, приходящих в голову. Он чувствовал, что что-то неладно, раз воры ему такую честь оказывают. Конечно, ни лохом, ни сукой, ни петухом он не был. Роба у него всегда была чистой, подворотничок свежим, сапоги начищенными. Роман знал, что зэки видели в нем человека, привыкшего следить за своим внешним видом. На зоне нельзя рассчитывать на уважение, если ты не следишь за собой. Правильный пацан никогда не должен опускаться до уровня грязных чушек. Но Роман понимал, что этого не достаточно для того, чтобы заслужить благосклонность воров.

Когда в шесть утра прозвучала команда «Подъем», не выспавшийся Роман едва смог оторвать тело от шконки. Глаза слипались, ноги казались тяжелыми и непослушными. В голове гудело. Но на зоне ни для кого нет поблажек. После команды «Подъем» и авторитетный блатной, и последний петух должны встать в очередь к умывальнику. Потом развод, завтрак, построение на работу, конвой... Новый день ничем не отличается от вчерашнего, а завтрашний будет точно таким же, как сегодняшний.

До обеда время на лесоповале всегда идет быстрее, чем во второй половине дня. Когда зэки начали то и дело поглядыва-

вать на солнце, чтобы определить, скоро ли обед – раздатчик к всеобщей радости традиционно постучал черпаком по кастрюле с супом. Такой стук на зоне слышен перед завтраком, обедом и ужином, а нужен он для того, чтобы продемонстрировать экам, что харчей хватит на всех. Когда стук означивал обеденный перерыв, усталые и голодные заключенные в один момент бросили работу и выстроились за своими порциями с мисками в руках. По очереди прокатился недовольный ропот: «Могила». Это было название супа, в котором плавал одинокий скелет неизвестной рыбы. Оно и понятно, что таким супом сыт не будешь, а работать нужно от рассвета до заката.

Большинство обитателей лагеря практически постоянно пребывают в полуголодном состоянии. Тем, у кого есть деньги, проще, они могут купить рыбные консервы, повидло, маргарин и сигареты – самый дешевый и популярный товар на зоне. Других спасают передачи из-за колючки от матери, жены или друзей. Как правило, «джентльменский набор» довольно стандартный: сигареты, чай, сосательные конфеты, сало и чеснок. А вот у кого ни денег, ни связей – тому сложнее, приходится довольствоваться тем, что дают. Хотя, конечно, этих калорий не хватает даже для пребывания в покое, а не то, что для тяжелой физической работы...

После обеда эки снова принялись за дело. Но после еды всегда работается сложнее: хочется посидеть и отдохнуть, а не деревья пилить да лес валить. Пожужжав пилой совсем

недолго, Роман остановился для перекура и подал знак Буравчику, чтобы тот присоединялся к нему.

– Что, не работается? – Буравчик скатал шапку в плоский блин и, стукнув по ней ладонью, положил на макушку.

– Работается или не работается, а норму выполнить придется.

– Может, скоро и не придется.

– Ты о чем?

– Чифир с ворами пьешь, глядишь, скоро масть смеишь. – Буравчик замолчал, наблюдая за реакцией Романа.

Моня уже стоял за деревом, напряженно вслушиваясь в разговор Романа и Буравчика. Как назло, с самого утра дул сильный ветер, шумя качающимися деревьями и разнося рев бензопил.

– А тебе что до моей масти?

– Мне? Ничего. Я свое оттрубил. – Буравчик пожал плечами, приняв свое самое безобидное выражение лица. – Так ты мне адрес Тамары скажешь или как?

– Скажу, – кивнул Роман. – Писать не буду, так запоминай.

Как ни старался Моня уловить адрес – не услышал. Когда же он понял, что разговор окончен, а ему не удалось вывести ничего нового, он досадливо поморщился и выругался, стукнув кулаком в ствол.

Предстоящий разговор пугал Моню, но отложить его было нельзя. Время шло неумолимо и вечер все же настал.

На ослабших от страха ногах, Моня доложил Гренадеру, что не расслышал нужный адрес. Признавшись в своей оплошности, он с ужасом ждал вынесения приговора. Гренадер бросил на Моню взгляд, полный презрения:

– Значит так, у тебя теперь только один последний шанс все исправить. Ты же хочешь сохранить свою шкуру целой, без дыр?

Моня облегченно вздохнул и провел рукой по покрывшемуся испариной лбу:

– Хочу, Гренадер.

– Если сделаешь все, как скажу, то жить будешь.

– Сделаю все, как скажешь. – Моня торопливо закивал.

– Моня, ты уже обещал, что адрес добудешь. – Гренадер перешел на повышенные тона. – Заткнись лучше.

Моня кивнул.

– Действовать будешь, когда Буравчик откинется, а Воля останется один, – начал Гренадер.

По мере того, как он говорил, Моня послушно кивал, как поступают все слабые и робкие люди, когда им диктуют свою волю авторитеты. Именно руками таких слабых людей и действуют сильные мира сего, и не только на зоне. И в жизни, и на зоне похожие правила. Но силен не тот, кто живет по ним, а тот, кто их знает и умело обходит, не будучи пойманным.

Глава 5

Первое дело, которое Буравчик решил сделать, оказавшись на воле – поехать к Тамаре. Больше ему пойти было некуда. Он надеялся, что от тех денег, что сможет выбить из нее для Романа, он и себе немного отщипнет. Хотя бы на первое время, чтобы было, где перекантоваться, пока не решит, как дальше жить.

За первые два дня, проведенные на свободе, Буравчик привел себя в божеский вид. Он сходил в парикмахерскую и приделся в «сэконд хэнде». Теперь едва ли кто-то смог бы угадать в этом щеголевато одетом франте бывшего зэка: рыхлая куртка с яркими заплатами на локтях, зеленые штаны и замшевые ботинки. Буравчик давно понял, что женщины не меньше мужчин обращают внимание на броскую одежду. А затеряться в городе сейчас не входило в его планы. Он хотел стать чем-то вроде наживки для искушенной Тамары, на которую она непременно должна была клюнуть. И сделать это Буравчик должен был с первой и единственной попытки.

Он целый день плутал по незнакомому городу, подставляя лицо ветру и поглядывая на хорошеньких девушек. Только, как назло, все они прятались в объемных куртках и длинных плащах, не позволяя соскучившемуся по женщинам Буравчику, оценить их формы. Но он не расстраивался, потому что думал о том, что ждет его впереди и получал удоволь-

ствие даже от вида светофоров, витрин и людей, спешащих по своим делам. К вечеру, вдоволь набродившись по городу, Буравчик пришел к спортивному клубу, хозяйкой которого была Тамара.

Роман хорошо изучил прежние привычки Тамары. Он знал, во сколько она приезжает в клуб за выручкой и когда выходит оттуда, пропустив с директором по бокалу коньяка. К счастью Буравчика, Тамара не изменила своих привычек за эти два года. Все было так, как предупреждал Роман. Четко следуя его инструкциям, Буравчик дождался, пока Тамара выйдет из клуба, сопровождаемая двумя охранниками-амбалами.

– Добрый вечер! – произнес Буравчик приятным мягким голосом.

Сощурившись, Тамара постаралась разглядеть темный силуэт у кустов:

– Кто здесь?

Буравчик шагнул вперед, чтобы оказаться в желтом кругу фонарного света. Он хотел, чтобы Тамара смогла его рассмотреть. Роман предупредил, что у нее есть слабость к привлекательным мужчинам, особенно после бокала коньяка. Это и было единственным шансом Буравчика на сближение с богатой вдовой.

– Увидев вас, я забыл, кто я.

На удивление, годы, проведенные Буравчиком в заключении, не оставили на его лице никакого отпечатка. Он выгля-

дел молодо и свежо. При виде такого смуглого, кареглазого красавчика, глаза у Тамары загорелись:

– Мы с вами знакомы? – Она убрала золотистые пряди волос с лица и немного кокетливо добавила, – У меня плохая память на лица.

– Я думаю, меня бы вы не забыли.

Буравчик произнес эти слова несколько самоуверенным тоном. Тамару это зацепило, но, в то же время, подарило надежду на яркий совместный вечер. Чаше ей встречались мужчины покорные и гладковыбритые, похожие один на другого. Но этот худощавый с нагловатым взглядом совсем не был похож на них.

– А я думаю, – Тамара приблизилась к Буравчику, – что ты слишком самоуверен.

Буравчику понравилась Тамара. Ее глаза, словно кошачьи, блестели на загорелом лице, волосы слегка выгорели на солнце. Несколько вульгарный макияж и чрезмерное обилие бижутерии Буравчику даже понравились. Он только вышел из зоны, поэтому, чем ярче женщина была одета, тем привлекательней ему казалась. К тому же, ее прекрасная фигура не была скрыта под лишней одеждой, на ней было только платье с длинным рукавом и высокие сапоги. Но больше всего Буравчика манила ее притягательная уверенность в себе.

– Правда? – Он удивленно вскинул брови. – А все говорят, что я робкий.

– Либо они плохо знают своего друга, либо лгут, – заклю-

чила Тамара.

– Я бы хотел узнать правду. – Он пристально посмотрел собеседнице в глаза. – Ее может сказать только такая женщина, как вы.

Тамара засмеялась:

– Какая такая?

– Смелая.

Тамара окинула собеседника покровительственным взглядом:

– Как вас зовут?

– Фима. – Буравчик несколько театрально склонил голову.

– Какое странное имя! – хмыкнула Тамара. – Разве сейчас так кого-то называют?

– Как видите, называют. – Буравчик сделал вид, что немного задет.

– Я не хотела обидеть тебя. – Тамара примирительно улыбнулась. – То есть вас.

Тамара подошла к Буравчику совсем близко и не без удовольствия убедилась, что вблизи он так же привлекателен, как издали.

– Думаю, мы можем перейти на «ты», – сказал Буравчик.

– Можем. Но только для этого сначала нужно выпить на брудершафт, – улыбнулась Тамара.

– Договорились. – Буравчик применил свой самый искушающий взгляд. – Куда поедем?

– А ты шустрый!

Усмехнувшись, Тамара неспешно пошла к машине, постукивая высокими каблуками. Охранник открыл перед ней дверь, и она села на заднее сиденье. Сердце Буравчика замерло от страха: что, если она сейчас уедет? Не успев понять, что он делает, он, словно со стороны, услышал собственный голос, прокричавший:

– Так как же на счет брудершафта?

Лицо Тамары не было видно в темноте автомобильного салона. Буравчик рассмотрел только руку, похлопавшую по сиденью:

– Садись, поедem знакомиться!

Буравчика не нужно было просить дважды. В один момент он оказался рядом с Тамарой, пьяняще пахнущей духами и коньяком. И этот запах был для Буравчика запахом свободы. Водитель закрыл за ним дверь и машина мягко тронулась.

* * *

Лежа на огромной кровати с белоснежными простынями, Буравчик смотрел в потолок обалдевшим взглядом. В комнате было темно и тихо. Он покосился на табло электронных часов: они показывали два часа ночи. Буравчик даже не предполагал, что таким для него станет его третий день на свободе.

После того, как он сел в машину к Тамаре, они поехали в бар. Там, в полутьме, за бокалом коньяка беседа пошла, как

по маслу. Буравчик чувствовал, как Тамара начинала трепетать, если он как будто случайно касался ее. По тому, как участилось ее дыхание, когда он сказал ей на ушко какую-то ерунду, он понял, где проведет сегодняшнюю ночь. И теперь рядом с ним лежала самая шикарная женщина в его жизни, а впереди была возможность получить деньги, которых хватит, чтобы начать новую жизнь. И если получится, то и про Романа он не забудет. Хотя, чем дальше Буравчик был от зоны, тем меньше в нем горело желание помогать кому-либо. Теперь он думал, прежде всего, о своей выгоде.

Перескакивая с мысли на мысль, Буравчик не заметил, как его сморил сон. Его разбудил резкий голос Тамары, напомнимший ему команду дежурного по барaku:

– Эй! Вставай.

– Что? – Буравчик едва смог открыть глаза.

За окном светило яркое солнце. Судя по освещению и звукам было больше десяти часов утра.

Тамара швырнула в Буравчика его брюки:

– Ну, что разлегся?

Буравчик оторопело хлопал глазами, никак не понимая, что происходит. Набросив на себя полупрозрачный халат, прежде, чем скрыться в ванной, Тамара бросила на ходу:

– Одевайся и пошел вон.

Затем Буравчик услышал, как в душе зашипели струи воды. Через минуту он был одет, и сидел в кресле, прямо напротив двери в ванную комнату. Вышедшая из двери Тамара

взбесилась:

– Я же сказала, что не желаю больше видеть тебя!

– Должен же я попроситься с женщиной, с которой провел ночь, Томусик? – Хлопнув ладонями по коленям, Буравчик встал с кресла.

Тамару подпрыгнула на месте от негодования:

– Ты плохо понял меня, что ли?

– Просто мне показалось, что тебе понравилось то, что было у нас ночью. – Буравчик приблизился к Тамаре и усмехнулся. – По-моему, ты даже сейчас не против вернуться со мной в постель.

– Нахал! – крикнула Тамара. – Или ты сейчас же уходишь, или тебя отсюда вышвырнут. – Она сделала шаг по направлению к двери, за которой находилась охрана.

Буравчик понял, что здесь ему больше ничего не обломится, поэтому, зевнув, он перешел на равнодушный тон, чтобы заставить Тамару нервничать еще сильнее:

– А ведь я, собственно, не для любовных утех тебя искал. – Буравчик окинул комнату скучающим взглядом, нарочно не глядя на Тамару.

– Неужели? – Тамара раздраженно вскинула подбородок вверх и скрестила руки на груди. – Что ж ты вчера молчал?

– Просто ты так сильно хотела затащить меня в постель, что я не стал противиться. Не люблю спорить с женщинами.

– Я не тащила тебя в постель! – Лицо Тамары побагровело от гнева. Какого черта ты мелишь?

Буравчик поморщился, показывая, что не собирается опровергать ее слова, которые заведомо являются ложью:

– Ты Романа помнишь?

– Какого еще Романа? – насторожилась Тамара.

– Волина Романа. На зоне он просто Воля.

По лицу Тамары пробежала тень, казалось, что через ее тело прошел разряд тока. Она злобно сощурила глаза:

– Ты кто такой?

– Я еще вчера сказал, что меня Фима зовут. На зоне – Буравчиком окрестили. За взгляд так прозвали.

– О, Боже! – На лице у Тамары отразился искренний ужас. – Так я сегодня ночью с эком переспала?

– Не убивайся так, ты переспала всего лишь с бывшим эком. – произнес Буравчик, сделав ударение на слове «бывшим». – А это, знаешь, не одно и то же.

Не обращая внимание на подавленную Тамару, Буравчик подошел к окну и посмотрел на улицу, заложив руки за спину:

– Кстати, при неумеренном употреблении алкоголя такое случается сплошь и рядом. Так что будь впредь осторожней, Томусик. Сегодня я подвернулся, а завтра вор-рецидивист...

Буравчик повернулся к застывшей Тамаре и метнул в нее колючий взгляд черных, как смола глаз.

Сегодня Тамаре не нравилось слишком наглое поведение Буравчика, но охрану позвать она пока не решалась. Ей не хотелось, чтобы всем стало известно, до чего она докатилась:

переспала с эком, потому что даже не удосужилась выяснить, кто он такой, прежде, чем лечь с ним в постель. К тому же ей не хотелось предавать огласке историю с Романом, по ее воле убившим Болотова. Она была готова откупиться от Романа, лишь бы больше никогда не слышать даже его имени. Поразмыслив, Тамара спросила:

– Что тебе нужно от меня?

– То, что мне было нужно, я уже получил, спасибо. А вот то, что Роман хочет, ты должна будешь дать.

Буравчик многозначительно посмотрел на золотые часы, лежащие на туалетном столике у Тамары. Она поняла его взгляд:

– Сколько он хочет?

– А Воля был прав, что ты женщина деловая.

– У меня мало времени. Не тяни резину, назови сумму.

– А как ты сама думаешь? – Буравчик взял в руку часы и теперь разглядывал циферблат, украшенный драгоценными камнями. – Во сколько оцениваешь семь лет тюрьмы, которые он получил из-за тебя?

– Не знаю, что там он тебе наговорил... – Тамара выхватила свои часы из рук Буравчика. – Но рано или поздно каждый должен отвечать за свои поступки.

– Что ж, правильно. – Буравчик приблизил лицо к зеркалу, разглядывая щетину на подбородке. – Вот я и пришел к тебе. – Он отвернулся от зеркала и присел на столик. – Потому что кто-то должен восстановить справедливость. Сколько

ты предлагаешь?

Видя, что Тамара мнется с ответом, Буравчик устало цокнул языком:

– Ладно, с тебя всего десять кусков.

Тамара на минуту замолчала, обдумывая названную сумму. Но потом решила, что за пререкания ей придется заплатить еще больше.

– Хорошо. Деньги заберешь у моего начальника охраны. Через два часа на том же месте, где ты вчера ждал меня.

– Как я его узнаю?

– Он сам к тебе подойдет.

– Как его зовут?

– Боровик.

Буравчик искренне засмеялся:

– Что за погоняло такое?

– Это фамилия, – спокойно и холодно ответила Тамара. – А теперь уйди, я не хочу больше тебя видеть.

Буравчик пожал плечами и пошел к выходу. На полпути Тамара окликнула его:

– Роману передай... или Воле... Так ведь теперь его зовут? – Тамара задала этот вопрос куда-то в пустоту и не ждала ответа. – Короче, скажи, что больше он не получит от меня ни копейки. Это всё.

Буравчик кивнул в знак согласия и добавил:

– Приятно было познакомиться. И извини, что не подал кофе в постель.

Перекинув куртку через плечо, он, не оглядываясь, вышел из комнаты.

* * *

В «Макдональдсе» два часа пролетели незаметно.

Выйдя на улицу, Буравчик был ослеплен ярким осенним солнцем и пронзительно-синим небом. Он шел по улице, не надевая куртку, ему было приятно чувствовать, как холодный ветер касается кожи и треплет волосы. Под его ногами шуршали хрупкие осенние листья, и дышалось ему так легко, как никогда за последние годы. По подсчетам Буравчика, названной суммы было достаточно, чтобы целый год не работать, хоть и вести скромный образ жизни. О том, чтобы что-то дать Роману он больше не думал. Совесть замолчала. Слишком велико было искушение.

Вот так подфартило, думал Буравчик. Еще за две недели до освобождения, у него не было даже плана, что делать дальше. Как честно жить он не знал, потому что не пробовал. Угодить снова за решетку он не хотел – не надышался еще вольным ветром. А тут, как манна небесная с неба – Роман со своей богатой начальницей. И Тамара не выламывалась, не старалась выкрутиться. Все было так гладко, что Буравчику не верилось в легкость своей победы.

Ожидая Боровика на указанном месте, Буравчик едва сдерживался от переполнявшей его радости. Ему казалось,

еще чуть-чуть, и он взмоет в небо, как легкий воздушный шарик. Четко в положенное время возле Буравчика притормозил джип с тонированными стеклами. Из открывшейся задней двери послышался мужской голос:

– Буравчик?

Буравчик быстрым шагом подошел к машине и нагнулся, заглядывая в автомобильный салон:

– Да, это я. Тебя как зовут?

– Садись давай, – сказал мужчина. – У меня нет времени на знакомства.

Буравчик послушно прыгнул в открытую дверь. Он оказался рядом с широкоплечим человеком лет тридцати пяти, обритым наголо. В салоне было темно, но он не снимал солнцезащитных очков. Челюсти быстро сминали жвачку и гоняли с одной стороны на другую. Боровик был в отличной физической форме, но совсем не походил на качка. Зато водитель, чей мясистый загривок был обращен к Буравчику, выглядел, как разжиревший боксер-тяжеловес.

Когда машина тронулась с места, Буравчик на всякий случай еще раз попробовал уточнить:

– Вы Боровик?

– Что ты, как телка пугливая? – скривился Боровик, не глядя на Буравчика. – А ты, как думаешь, кто я? Дед Мороз?

Боровик заржал и впервые посмотрел на попутчика. Даже темные стекла очков не смягчили недобрый взгляд, устремленный на Буравчика и он весь сжался. Но он обратил вни-

мание на сверток, лежащий на коленях у Боровика. Было похоже, что внутри находилась условленная сумма. От такого предположения Буравчику стало легче на душе.

У Боровика зазвонил мобильный телефон. Взглянув на имя звонившего, он расплылся в довольной улыбке:

– Алло! Слушаю вас, Тамара Яковлевна. – Его улыбка стала настолько широкой, что стекла темных очков врезались щеки. – Да, он со мной, не волнуйтесь. – Скрипнув кожаной курткой, Боровик повернулся к Буравчику. – Да, они тоже со мной. – Он непроизвольно похлопал по свертку с деньгами.

После длинной тирады Тамары, Боровик нахмурился и, не вешая трубку, обратился к Буравчику:

– На какой вокзал тебя отвезти?

– Мне все равно, – Буравчик пожал плечами. – Давай на центральный автовокзал.

Затем он снова услышал в трубке голос Тамары, которому Боровик согласно кивнул:

– Будет сделано. До связи, Тамара Яковлевна.

Имя и отчество были произнесены настолько небрежно, что слились в какое-то «тамарьяклена».

Боровик нажал на кнопку отбоя и обратился к Буравчику:

– Значит так, сумма – разовая. Еще попросишь – вернешься туда, откуда пришел. Понял?

– Это я уже слышал.

– Ничего, для тупых полезно и три раза повторить. – Боровик приоткрыл окно и в салон ворвались потоки ледяно-

го ветра, которому он подставил вспотевшее лицо. – Так, я спрашиваю, ты понял меня?

– Понял.

Буравчик подумал, что его могут припугнуть, дабы он не шантажировал больше Тамару. Посмотрев на огромные кулаки Боровика, покрытые ссадинами, подумал и о том, что для большей убедительности его могут даже избить. Но деньги ему дадут, потому что Тамара явно не хочет конфликта. И эта мысль давала Буравчику и силы, и смелость. А смелость ему была ой как нужна, потому что рядом с Боровиком, напряженно о чем-то думавшем, становилось все неудобней и тесней. Словно его мысли имели шипы, больно покалывающие тело Буравчика.

Немного попетляв по дворам, джип выехал на трассу, через какое-то время свернул на насыпную дорогу из гравия и ехал, трясясь по ухабам, пока не уперся в какой-то заброшенный коровник. Здесь машина остановилась. Боровик вышел из машины, хлопнув дверью. Со стороны Буравчика тоже открылась дверь.

– Выходи. – В полный рост Боровик выглядел еще крупней, чем, когда сидел. Заскрипев кожанкой, он потер шею и с силой выплюнул жвачку под ноги попятившемуся Буравчику, у которого мелькнуло в голове: «Сейчас будут бить».

Но бить Буравчика не стали. Он не успел опомниться, как водитель заломил ему сзади руки. Боровик схватил его за шиворот и потащил за собой. Все происходило почти без-

звучно, только ботинки шуршали по пыльной насыпи.

Увидев прямо перед собой бетонный колодец, накрытый тяжелой крышкой, Буравчик не на шутку занервничал:

– Куда ты меня тащишь?

Но Боровик молча дал ему пару таких оплеух, что у Буравчика зазвенело в ушах и перед глазами запрыгали цветные точки. Он тряхнул головой, словно пытаясь проснуться. На какой-то момент ему это удалось, и он ухитрился ударить Боровика ногой в грудь. Черные очки оказались в пыли под ногами у Боровика, на которые он сам же случайно наступил. Озверев, Боровик несколько раз ударил Буравчика кулаком по лицу.

– Гнида!

Буравчик сплюнул кровь, безуспешно стараясь вырваться из сильных рук, держащих его сзади.

– Что за хрень?

– А вот сейчас ты и увидишь, что там за хрень. – Боровик перевернул Буравчика вверх тормашками и толкнул в колодец. – Только нам уже не расскажешь об этом.

Колодец оказался глубоким. Пока Буравчик летел вниз, он успел подумать, что порвал штанину о какой-то штырь, торчащий из стены, и нужно будет купить новые брюки, когда все закончится. Упав на дно, он потерял сознание, поэтому не почувствовал, как ему на голову один за другим упало несколько огромных камней, раскроивших череп. Больше Буравчика никогда не будет волновать вопрос новых брюк...

Убедившись, что с Буравчиком покончено, Боровик сплюнул в колодец и скомандовал водителю:

– Крышку закрой, а то замерзнет, урка. – Он улыбнулся своей шутке.

Водитель заржал так, что чуть не уронил чугунный люк себе на ногу.

Боровик заметил, что вся его черная куртка покрыта белой пылью:

– Черт! – Он попробовал почистить куртку от пыли, но только еще больше испачкался. – Черт! – снова повторил он.

– Stanisław Игоревич, у меня в бардачке влажные салфетки есть, – обратился к Боровику водитель. – Не трите так, куртку испортите.

– Ладно, – согласился Боровик, – давай свои салфетки.

Водителю понадобилось пять секунд на то, чтобы нырнуть в машину и вынырнуть с салфетками:

– Вот, – протянул он Боровику упаковку, – жасминовые.

Боровик поморщился:

– Да хоть баклажанные, – он хохотнул. – Я же не педик тебе какой-то.

Вытирая куртку салфеткой, Боровик бросил на водителя испепеляющий взгляд:

– О том, что здесь было не должен знать никто, – Боровик сделал паузу и добавил. – Ни одна живая душа.

– Я – могила, Stanisław Игоревич.

– Это в твоих интересах, если не хочешь завтра оказаться

рядом с этим уголовником.

Боровик кивнул на колодец. Водитель опустил глаза:

– Я все понял.

– Ну, раз понял, то поехали.

Бросив салфетку под ноги, Боровик сел в машину.

Глава 6

Для обитателей зоны подошел к концу еще один бесконечный день. После тяжелого труда, большинство зэков просто лежало на своих койках, обессилено сложив руки на груди. У некоторых нашлись силы, чтобы что-то мастерить или писать письма. Роман, сидя под лампой, бросавшей тусклый свет, штопал шерстяной носок. За его спиной, на противоположном конце хаты, сидя друг напротив друга, Гренадер и Моня вполголоса переговаривались о чем-то. На табурете между ними стояли красивые нарды ручной работы. Но ни один из собеседников даже не смотрел на фишки, которые были расставлены на доске скорее для отвода глаз, чем для игры.

Гренадер похлопал ссутулившегося Моню по плечу:

– Моня, значит, ты все понял?

– Все, – торопливо кивнул Моня.

Он так сильно вжал голову в плечи, что со стороны казалось, будто шеи у него и вовсе нет.

– Просто сделай все, как я сказал. – Наклонившись к собеседнику, Гренадер пристально посмотрел на Моню и добавил доверительным тоном: – Это, прежде всего, в твоих интересах. Понимаешь?

– Понимаю, – Моня кивнул всем корпусом. – Но что делать, если не получится? – бросив быстрый взгляд по сторо-

нам, он перешел на совсем тихий шепот, напоминавший шипение змеи. – Если что-то пойдет не так, Гренадер?

В голосе Мони появилось отчаянье.

Гренадер резко выпрямился и полоснул Моню взглядом, острым, как лезвие бритвы:

– Не должно быть никаких «если», Моня. – Выдержав паузу, он продолжил. – Мы не в игрушки играем. А вот если ты очкуешь, то тебе действительно безопасней в другом отряде будет.

Гренадер многозначительно замолчал и стал выравнивать фишки на доске, словно сейчас для него это было самое важное дело.

– Да не боюсь я ничего. – Голос Мони дрогнул от волнения. – Ты же знаешь меня. – Он безуспешно постарался заглянуть в глаза, сидящего напротив. – Гренадер, да я за тебя, кого хочешь порву!

Смягчившись, Гренадер оставил фишки в покое и удостоил Моню взглядом:

– Да ты не дрейфь, я тебя поддержу в нужный момент.

– Знаю. Я все сделаю, как ты сказал.

– Конечно, сделаешь, – Гренадер обнажил крупные зубы в улыбке и тут же с каменным лицом произнес металлическим голосом. – Сделаешь, если не хочешь сам оказаться на *его* месте.

Моня сглотнул слюну во внезапно пересохшую глотку и провел ладонью по вспотевшему лбу. Его глаза забегали, как

два испуганных таракана.

Гренадер неспешно собирал фишки в бархатный мешочек. Снова сменив резкий тон на благосклонный, он продолжил:

– Если все сделаешь правильно, я тебя в обиде не оставлю. – Он с грохотом захлопнул доску. – А теперь можешь идти.

Слабым кивком головы Гренадер показал Моне, что тот свободен.

Ссутулив спину, Моня поплелся к своей шконке.

* * *

На следующий день на лесоповале после обеда было шумно. Рычащая толпа из нескольких десятков человек окружила Моню и Романа, которые были готовы вцепиться друг другу в глотки.

Брызжа слюной и кривя губы, Моня, швырнув бушлат под ноги, закричал:

– Среди нас есть сука!

Сбросив с себя куртку на землю, Роман подступил к Моне под усиливающийся гвалт:

– Ты за свои слова ответишь?

Растопылив руки и ссутулившись, Моня пошел на Романа:

– Отвечу, когда время придет. – Моня сплюнул под ноги. –

Но не перед тобой, каз-з-зел.

Роман прищурился и двинулся к Моне, словно ошестинившийся волк:

– Ты за метлой следи! А то сейчас передо мной ответишь.

Из толпы понеслись выкрики, по которым было сложно понять, кто чью сторону принял:

– Чего ждешь?

– Мочи его!

– Эй-эй! – крикнул похожий на бурята конвоир. – А ну прекратили!

Его напарник угрожающе передернул затвор «калаша». В этот момент к нему приблизился Гренадер, что-то негромко сказал и сунул в руку свернутую купюру. Обменявшись взглядами, конвоиры прихватили свои автоматы и скрылись за деревьями.

Избавившись от них, Гренадер врезался в толпу. Стоящие люди расступались перед ним, а тех, кто не успевал сделать это, он сам отталкивал со своего пути. Выйдя в круг, он произнес хриплым голосом:

– Моня, объясни, в чем ты конкретно обвиняешь Волю?

– В том, что сука он. – Моня кивком указал на Романа.

Гренадер нахмурил брови и недоверчиво склонил голову набок:

– Что Воля сделал?

– Он к куму ходил, – пояснил Моня, с ненавистью глядя на Романа. – Стучал на нас.

Толпа загудела:

– Сукам у нас не место!

– Вали его!

– Подстилка!

Гренадер поднял вверх руку с открытой ладонью, прося тишины. Когда недовольные голоса смолкли, он снова обратился к Моне:

– А ты понимаешь, что за базар отвечать надо?

– Понимаю.

В голосе Мони слышалось напряжение и неуверенность. Он старался разглядеть во взгляде Гренадера новые правила игры, но никак не мог сориентироваться, отчего практически утратил свой воинственный вид.

Роман в упор посмотрел на Моню, и тот, не выдержав его взгляд, отвел глаза в сторону.

– Как доказывать будешь, что Воля – сука? – спросил Гренадер.

Моня был явно выбит из колеи этим вопросом и не знал, что отвечать. По вчерашнему уговору Гренадер должен был вступить в диалог и продолжить разворачивать действие в нужном направлении. Но Гренадер, казалось, забыл все уговоры и теперь его глаза наливались кровью от гнева:

– Повторяю вопрос: как доказывать будешь, что Воля сука?

Моня попятился, его руки, безвольно висящие вдоль тела, описали в воздухе короткую дугу:

– Гренадер, я же...

Он выглядел жалко, словно побитая хозяином собака, которая не могла понять, за что ее наказали.

Роман молча наблюдал за сценой. Но было видно, что его тело было напряжено, и он готов был в любой момент дать отпор нападающему.

Гренадер вышел в круг, по рядам зрителей прокатился шепот.

– Моня, ты что, язык проглотил? – Гренадер с угрожающим видом пошел на «шестерку». – Значит, у тебя ничего нет на Волю? Ты же знаешь, что за такое бывает...

Моня растерянно хлопал глазами, глядя на Гренадера, подошедшего к нему совсем близко:

– Ты же сам, Гренадер...

Не дав Моне закончить фразу, Гренадер молниеносным движением руки выхватил заточку из своего сапога и пошел на противника.

Толпа ухнула.

Гренадер умело покрутил заточку в руке, блеснув коротким лезвием на солнце:

– Ну все, гнида!

Машинально стараясь закрыться руками, Моня попятился, но толпа стала плотным щитом, преграждая ему возможность выйти из круга. Не успел Моня понять, что произошло, когда Гренадер несколько раз ударил его заточкой в живот. Сквозь темную робу проступила кровь. Он упал на ко-

лени, беззвучно шевеля губами, а затем с глухим стуком повалился набок, прижимая ладони к ранам, словно пытаясь их заживить. Серые глаза Мони вмиг помутнели, ноги дернулись в конвульсиях, и он затих.

Став свидетелем правосудия, толпа довольно загудела.

Гренадер окинул стоящих беспощадным взглядом и отчетливо произнес:

– Так с любой падлой поступлю, которая на правильных пацанов наезжать осмелится. – Он вытер лезвие от крови о бушлат Мони, по-прежнему лежащий на земле. – Все поняли?

По толпе прошел одобрителный гул.

Полностью выбитый из колеи Роман по-прежнему стоял в кругу, и все происходящее ему напоминало, скорее, кошмарный сон, чем явь. Только недавно он не мог понять, в чем его обвинял Моня, а теперь также не понимал, что беда миновала. Когда все только началось, Роман был уверен, что ему никто не поверит и воры примут сторону своего, а не его, мужика. Если бы они поддержали Моню, то сейчас бы Роман лежал с дырявым животом на его месте. Еще его могли просто опустить. И не ясно, что хуже.

Роман с благодарностью посмотрел на Гренадера, прятавшего заточку снова в сапог.

– Все, работайте! – Властно крикнул Гренадер, обращаясь к собравшейся толпе. – Здесь вам не цирковая арена.

Через пару минут все разошлись по своим рабочим ме-

стам, опасаясь вызвать немилость Гренадера. На площадке не осталось никого, кроме него, Романа и остывающего трупа.

Роман посмотрел в глаза своему спасителю:

– Гренадер, я не знаю, что сказать...

– Тогда помолчи, раз не знаешь, – оборвал его Гренадер, а затем откашлялся и обратился к Роману, глядя куда-то в сторону:

– Сейчас возьми Моню и оттащи во-он туда. – Он указал пальцем, куда именно. – Под елочки.

Роман все еще не пришел в себя и плохо понимал, что он должен сделать, поэтому переспросил: – Оттащить?

Гренадер резко повернулся и произнес, чеканя каждое слово:

– Или, может, ты хочешь пойти сказать куму, что это я его прикончил?

Роман оторопел:

– Так ты думаешь, я имею какое-то отношение к куму?

Гренадер усмехнулся:

– Если бы я так думал, то сейчас бы Моня тащил тебя под елочки, а не наоборот.

– Тогда почему ты так говоришь?

– Потому что теперь за каждым твоим шагом будут смотреть. И если ты оступишься, то мне за это отвечать тоже придется. Я, считай, подписался за тебя.

– Спасибо, я не забуду этого.

– Потом сочтемся. – Гренадер кивнул. – Главное теперь о своем долге не забывай. И будь готов отплатить мне услугой за услугу.

– Конечно, Гренадер. У меня память хорошая.

– Вот и хорошо. А пока возьми это тело и отнеси туда, куда я сказал.

Словно проснувшись, Роман взял труп подмышки и поволок, пятясь назад.

– Эй! Воля! – окликнул Гренадер. – Когда положишь Моню, сам не забудь отойти, чтобы рядом не остаться.

Руки Мони скользили по пыли и мягкому ковру из хвои, оставляя за собой следы, роба норовила слезть с чахлах плеч убитого. Дойдя до нужного места, Роман положил тело на землю и выпрямился. Поясницу ломило от напряжения. В висках стучало от поднявшегося давления, сердце било с силой о грудную клетку, словно кулаком. Роман сильно переволновался, и теперь организм давал ему об этом знать.

– Па-бе-ре-гись! – раскатисто прокричал вальщик.

Роман едва успел отпрыгнуть, как Моню накрыла собой большая сосна с разлапистыми ветками, придавив его всей своей тяжестью к земле.

– Ну все, – сказал подошедший Гренадер, положив Роману руку на плече. – Теперь можешь спать спокойно.

От неожиданности Роман вздрогнул и оглянулся:

– Спасибо за помощь и доверие.

Гренадер с удовольствием посмотрел на руку, торчащую

из-под толстого ствола.

– Здесь, как говорится, «спасибо» не отделаешься. – Гренадер усмехнулся, обнажив крупные зубы. – Я решил, что теперь ты один из нас, Воля. Ты не станешь возражать?

Роман застыл, словно остолбенел. Его эйфория от того, что ему удалось избежать смертельной опасности, еще не прошла. Но от того, как его настойчиво «приглашали» стать вором, ему было тоже не по себе. Он все еще не мог понять, чем его скромная персона могла так сильно заинтересовать властного, жестокого и беспощадного Гренадера. Но от так же понимал, что обратного пути нет. И чем бы он ни приглянулся Гренадеру – ему придется это принять.

Роман не отвел глаз и выдержал тяжелый взгляд Гренадера, направленный на него.

– Но, как я понимаю, это уже не вопрос? – уточнил он, наклонившись и поднимая свою куртку с земли.

Гренадер кивнул:

– Да, Воля, это не вопрос.

– В таком случае, я согласен. – Роман безуспешно пытался очистить куртку от еловых иголок. – А теперь пойду работать. День к закату, а у меня еще даже половина нормы не сделана.

Искренне удивившись, Гренадер придержал Романа за рукав:

– Какая норма, Воля? – он поморщился. – Даже это слово забудь, понял?

Роман надел куртку и пожал плечами:

– И что я теперь должен делать?

– Иди отдохни.

Гренадер кивнул Роману в ту сторону, где воры, сидя на поваленных деревьях, гоняли чифир.

Роман замялся.

– Иди, иди. Чего стоишь? Привыкай к новой компании.

Чувствуя легкую слабость в ногах, Роман пошел к ворам. Он понимал, что на зоне для него начинался новый этап жизни, который был значительно опасней, чем предыдущий. Потому что возможностей сделать ошибку или оступиться стало больше. Ему казалось, что он попал в стаю диких волков. Но он не знает правил, по которым они живут и вряд ли сможет им когда-то научиться.

Подойдя к отдыхающим, он ощутил на себе испытующие, любопытные и просто завистливые взгляды, под неустанным надзором которых ему предстояло теперь жить. Все замолчали.

Роман поздоровался спокойным и ровным голосом:

– Здорово, пацаны.

– Здорово, коли не шутишь, – ответил краснолицый.

Воры несколько неохотно потеснились, освобождая место для Романа:

– Присаживайся. – Неестественно широко улыбаясь, Ленин сделал рукой приглашающий жест.

Роман кивнул и сел на отполированное задами заключен-

ных бревно.

Он вошел в клетку с хищниками, и за ним закрылась дверь. Теперь у него не оставалось права на ошибку, если он не хотел быть растерзанным на месте. С этого момента он вынужден был забыть все свои прежние принципы, если хотел жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.